

Русский элемент в Латвии

Предпринимательство

В руках выходцев из России находятся 80% экономической власти Латвии. И это при общей процентуальной доле в численности населения Латвии в 34%.

Рижский базар – это то место, где по мимолётному взгляду на твою физиономию к тебе безошибочно обратятся на «Пожалуста». Впрочем, изредко и на «Lūdzu», скорее, чтобы оставить тебя в приятном заблуждении, что тебе удалось законспирировать своё происхождение. Частники-продавцы – очень даже русские, за выборочным исключением латышек в молочном отделе. Всё-таки там почище и потеплее.

Рижский толчэк – ещё грязнее и русчее. После хождения в снег и дождь по дощечкам, иногда вкривь и вкось распластавшимся между лотками, а иногда и не очень, начинаешь понимать – там, где не пройдут немецкие танки, русские не просто выживут, а ещё и торговать, торговаться и размножаться будут, и в этом их истинное преимущество.

Практически весь частный, связанный с денежным оборотом, сектор, находится в надёжных руках русских «интервентов». Начиная с водителей маршрутного такси и обслуживающего персонала в интернет-кафе и кончая уличными попрошайками.

Латыши и русские

По конституции в Латвии позволителен только один государственный язык. Только и его можно найти на уличных вывесках. Даже зелёная табличка «Русская книга» зачастую переводится или же транслитерируется латынью.

Латыши, во всяком случае те, которые так или иначе по роду своей профессии работают с клиентами, говорить по-русски *могут*. Другой вопрос – *хотят* ли они этого? Да, они этого хотят и обслуживают вас по первому классу с проворной вежливостью, если вы к ним обратитесь по-русски. Единственное условие – освоите для этого дела нерусский акцент, лучше всего американский. Иначе вас будут игнорировать или обслуживать с видом величайшего одолжения. Впрочем, на подобное обращение в том числе и от русского персонала с выходцами из единой исторической родины тоже рассчитывать приходится.

Существует невидимая, но ощутимая черта, проходящая через сеть ресторанов, клубов (иногда с ностальгическими мотивами по старым добрым советским временам), дискотек, жилым местам и даже городским кварталам, а также через образ мышления с ощутимой разницей в принадлежности к той или иной национальности. Даже прогулочное время суток и дней недели более не менее комплементарно распределены между обоими этническими группами. Что поближе к ночи и к выходным, то смахивает больше на русское. Впрочем, смешанные структуры и интегральные процессы не исключены, но скорее, если не сказать исключительно, по принципу Salad Bowl, а не Melting Pot.

Неискоренимость мата

Латыши – а равно и другие две гордые независимые нации – могут утверждать, что никогда не хотели иметь ничего общего с русским и никогда не принадлежали к Homo sovieticus, но никакие обстоятельства не смогут сломить ту харизму, которая лущится из

пресловутого русского мата, как истинную победу интернационализма в постсоветском пространстве. Чужеземец не улавливает, что на самом деле представляет собой мат. То есть теоретически он его может без труда усвоить и даже зазубрить, но, приглядевшись и прислушавшись, *как* он мат воспринимает и употребляет, сразу видно, человек просто беспомощно *не наш*.

В интернет-кафе сидят подростки и всю ночь напролёт (тарифы выгоднее) режутся в экстремальные компьютерные игры. Речь, передающая ажиотаж и успех игры, – чисто латышская. Мат – чисто русский, за исключение одного американизма, доступный в жестикулярной форме даже глухонемому. Хотя, что касается жестики, то русский оппонент выглядит куда более внушительней, правда, не всегда сподручней.

В трамвае происходят сперва сдержанные разборки на латышском по поводу недостающих билетиков. В конечном счёте доходит – можно догадаться – до мата (а мат, он и есть русский), и моментально меняется эмоциональная плоскость диспута.

Две женщины на железнодорожном вокзале, одеты прилично, на вид представители среднего класса, одна из них – желающая приобрести проездной билетик, другая – наоборот, о чём-то не поладили, говорят на слегка повышенных тонах, но тем не менее исключительно по-латышски. В конце концов первая всё же приобретает билет, уже уходит восвояси, и кассирша говорит как бы ей в след на чистом (кто плёл байки про какой-то там балтийский акцент?) коллоритно подкреплённом, в меру по нашему наперцованном и – не побоюсь этого слова – красивом языке: «Да пошла ты на ...». После этого с невозмутимой и корректно милой физиономией обращается к следующему абоненту: «Lūdzu».

Алексей Н. Головерда